

Карандашова Селена Сергеевна

студентка

Научный руководитель

Романенко Ольга Николаевна

канд. филол. наук, доцент, преподаватель

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия»

г. Казань, Республика Татарстан

**АНАЛИЗ КОМПОЗИЦИИ И ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ
ДОКАЗАТЕЛЬНОСТИ И УБЕДИТЕЛЬНОСТИ РАССУЖДЕНИЯ
НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ А.Ф. КОНИ «ДЕЛО ОБ УТОПЛЕНИИ
КРЕСТЬЯНКИ ЕМЕЛЬЯНОВОЙ ЕЕ МУЖЕМ»**

Аннотация: статья посвящена проблеме, связанной с риторикой судебной речи. Предметом исследования стала судебная речь А.Ф. Кони «Дело об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем». В работе анализируется речь с нескольких точек зрения: во-первых, с точки зрения ее композиции и, во-вторых, с точки зрения тех языковых средств, на которых держится убедительность и доказательность речи выдающегося оратора.

Ключевые слова: судебная речь, анализ языковых средств, доказанность речи.

Для работы над судебной речью всегда было и остаётся важным умение акцентировать внимание на том, как выразить мысль так, чтобы побудить присяжных и судей принять решение в пользу подзащитного.

Для юриста язык – это не просто средство коммуникации, это орудие его интеллектуальной, профессиональной деятельности. Поэтому его речь должна обладать следующими свойствами:

– содержательностью (это количество выраженных в ней мыслей, чувств и стремлений, их значительность и соответствие действительности);

– понятностью (это синтаксически правильное построение предложений, а также применение в соответствующих местах пауз или выделения слов с помощью логического ударения);

– выразительностью (это ее эмоциональная насыщенность, богатство языковых средств, их разнообразие; по своей выразительности она может быть яркой, энергичной и, наоборот, вялой, бедной);

– действенностью (это свойство речи, заключающееся в ее влиянии на мысли, чувства и волю других людей, на их убеждения и поведение) [2].

Судебное красноречие, логичность и убедительность рассуждений – это комплекс навыков, развить которые можно с помощью изучения трудов выдающихся ораторов прошлого и постоянной практики.

Предметом работы стал анализ композиции и языковых средств, способствующих логичности и убедительности рассуждения, на примере статьи А.Ф. Кони «Дело об утоплении крестьянки Емельяновой её мужем».

Цель работы – на примере судебной речи «Дело об утоплении крестьянки Емельяновой её мужем» проследить, как А.Ф. Кони строит свою речь, на каких языковых средствах основывается сила её воздействия и сила убеждения и в перспективе развить собственное красноречие, выбирая в качестве образцов наследие лучших ораторов прошлого.

Для этого были поставлены следующие задачи:

– проанализировать композицию речи, выявив основные композиционные частей и связь между ними;

– проанализировать языковые средства, с помощью которых автор добивается убедительности и которые влияют на силу воздействия.

Анатолий Федорович Кони известный русский юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор, выдающийся судебный оратор,

действительный тайный советник, член Государственного Совета Российской Империи. Кони – уникальная фигура в российской юриспруденции. Он также известен тем, что благодаря своему высокому ораторскому мастерству не проиграл ни одного дела. Речь, которая рассматривается в данной работе, не стала исключением.

Композиция речи традиционна, и в этой традиционности тоже есть своя убедительность. Она состоит из трёх частей: вступления, главной части и заключения.

Вступление по объёму небольшое, в него входит семь предложений. Оно начинается с традиционного обращения и дает целевую установку речи «*обнаружить истину*» [1].

Основная часть речи наиболее объемная по сравнению с остальными частями. Она является неделимой составляющей всего монолога, «начинкой» дела, которая содержит в себе основные положения всего произошедшего. Здесь автор-проводник излагает слушателям заседания все аспекты дела: последовательно разъясняет основные события, относящиеся к делу, поясняет показания свидетелей, дает психологический портрет каждого фигуранта дела, раскрывает истинные мотивы преступления и подводит аудиторию к такому выводу, в котором уверен сам. Эта часть речи самая интересная по содержанию и «игре» языковых средств логичности и убедительности рассуждения.

Заключение – последняя составляющая судебной речи. Оно также является небольшим по объёму, но не менее важным: в нем оратор выступает сторонником морали и тонким психологом, заставляя судей и присяжных серьезно задуматься над ответственностью за своё решение.

Итак, композиция речи отличается предельной строгостью и лаконичностью. Немногословные вступление и заключение, где автор высказывает несомненную уверенность в том, что уму и совести тех, от кого зависит решение,

подвластны такие сложные дела, как это, служат достойным обрамлением полной интеллектуальной и психологической напряженности основной части речи.

Для того чтобы речь выполняла свою функцию – была убедительной и трогала сердца людей, она должна быть создана по определенным законам, которые были сформулированы еще в античной риторике. Создавая теорию аргументации, Аристотель выделял три группы аргументов: аргументы к логосу, пафосу и этосу. Другими словами, это обращение к умственному началу в человеке, к чувственному и нравственному.

Умственное начало (логос) в системе аргументации связано с такими единицами, как понятие, суждение, смысл, которые в свою очередь строятся на логике. Поэтому логическая цепочка суждений автора играет ключевую роль в силе убедительности речи.

Какими же языковыми средствами достигается это качество речи?

Во-первых, это система последовательных вопросов, которые ставит перед собой и перед аудиторией автор речи.

Развивая свою систему доказательств, Кони выделяет в ней три ключевые позиции, каждая из которых в процессе речи будет оформлена в виде вопроса. Каждый вопрос получит свой развернутый ответ, а каждый ответ станет кирпичиком в основании убедительности речи.

Мы видим это в следующих фрагментах текста: *«Если оно (показание) дано непринужденно, без постороннего давления, если оно дано без всякого стремления к нанесению вреда другому и если затем оно подкрепляется обстоятельствами дела и бытовой житейской обстановкою тех лиц, о которых идет речь, то оно должно быть признано показанием справедливым»* [1].

Далее в тексте каждое «если» приобретает вид вопроса с последующим приведением фактов и наблюдений, вырастающих в убедительный ответ.

Итак, три «если» и три ответа представляют собой стройную логическую цепь рассуждений автора.

Кроме вопросов, организующих доказательность рассуждений, есть в тексте и другие виды вопросов. Это, например, риторический вопрос, ответ на который очевиден: *«Наконец, известно, что ему позволили самому явиться под арест, что он был свой человек в участке – станут ли такого человека обыскивать и осматривать подробно?»* [1].

Также использует автор проблемный вопрос, который играет важную роль в речи оратора в суде с участием присяжных. Присяжные заседатели – это судьи из народа, как правило, незнакомые с юридическими тонкостями, поэтому постановкой проблемных вопросов и ответами на них оратор оказывает присяжным действенную помощь и выступает своеобразным путеводителем в лабиринте показаний и фактов: *«Вы уже, наверно, обратили внимание на то, что показания всех подсудимых, данные в процессе расследования, существенно противоречат показаниям, данным в судебном заседании. Как реагировать на эти противоречия? Как их оценивать? Прежде всего, я прошу вас в совещательной комнате задать себе вопрос: кто заинтересован в исходе этого дела? Потерпевший?»* [1].

Во-вторых, особое внимание хотелось бы обратить на сложные предложения с придаточными условия. Их количество в тексте значительно – 10 предложений. Причем в составе одного сложного предложения может содержаться от одного до трех придаточных с союзом *если*. Чем объясняется такое «увлечение» автора?

Ответ, как нам кажется, заключается в том, что «сложные предложения, являясь основной коммуникативной единицей речи, обслуживают мышление и общение» [4], «исключительно разнообразные возможности для выражения связей и взаимоотношений мыслей, в частности, они с особой четкостью выражают чисто логические отношения (причина и следствие, основание и вывод, условие, цель и т. д.)» [3]. Предложения с условными придаточными обладают значением классификации: «содержание придаточной части квалифицируется

как гипотеза, а отношения между главной и придаточной частью как необходимая, закономерная связь» [4]. Именно такие возможности условных предложений и нужны оратору, чтобы выстроить и доказать свое обвинение:

«Если мы будем определять достоверность показания тем, как человек говорит, как он держит себя на суде, то очень часто примем показания вполне достоверные за ложные и, наоборот, примем оболочку показания за его сущность, за его сердцевину» [1].

«Если вы, господа присяжные, вынесете из дела такое же убеждение, как и я, если мои доводы подтвердят в вас это убеждение, то я думаю, что не далее, как через несколько часов, подсудимый услышит из ваших уст приговор, конечно, менее строгий, но, без сомнения, более справедливый, чем тот, который он сам произнес над своею женою» [1].

В-третьих, сильным стилистическим приемом, часто используемым Кони в тексте, является антитеза. Антитезы автора сложны, они создаются и на лексическом, и на синтаксическом уровнях организации, то есть и с помощью антонимичных групп слов, и противопоставлением целых предложений, и даже контрастом психологических характеристик жены подсудимого и его любовницы.

Так, например, во вступлении своей речи Кони подготавливает судей и присяжных к тому, что им предстоит принимать решения по далеко не простому делу, а потому больше усилий *«ума, совести и внимания»* от них потребуются, чтобы *«обнаружить истину»*: *«Вашему рассмотрению подлежат самые разнообразные по своей внутренней обстановке дела, где свидетельские показания дышат таким здоровым смыслом, проникнуты такою искренностью и правдивостью и нередко отличаются такою образностью, что задача судебной власти становится очень легка. Остается сгруппировать все эти свидетельские показания, и тогда они сами собою составят картину, которая в вашем уме создаст известное определенное представление о деле. Но бывают*

дела другого рода, где свидетельские показания имеют совершенно иной характер, где они сбивчивы, неясны, туманны, где свидетели о многом умалчивают, многое боятся сказать, являя перед вами пример уклончивого недоговаривания и далеко не полной искренности. Я не ошибусь, сказав, что настоящее дело принадлежит к последнему разряду, но не ошибусь также, прибавив, что это не должно останавливать вас, судей, в строго беспристрастном и особенно внимательном отношении к каждой подробности в нем» [1].

Психологические портреты «героинь» процесса представляют собой полную противоположность, которую и акцентирует автор, располагая их в тексте рядом и используя в описании слова с противоположным значением.

Лукерья (жена подсудимого): *«эта женщина невысокого роста, толстая, белокурая, флегматическая, молчаливая и терпеливая», «это вот такая личность: тихая, покорная, вялая и скучная, главное – скучная» [1].*

Аграфена (любовница подсудимого) – *«она бойка и даже здесь за словом в карман не лезет, не может удержать улыбки, споря с подсудимым, она, очевидно, очень живого, веселого характера, энергичная, своего не уступит даром, у нее черные глаза, румяные щеки, черные волосы» [1].*

Антитеза, на наш взгляд, также является стилистическим средством, апеллирующим к категориям мышления.

Далее рассмотрим, какие средства языка использует автор для аргументации, основанной на чувственном и нравственном начале.

Начнем с чувственного начала. В своем монологе Кони использует широкий арсенал средств выразительности. Часто встречаются интересные метафоры, которые передают речи вкус, живость, объем.

Рассуждая о том, как нужно оценивать показания свидетелей, автор прибегает к развернутой метафоре, чем и добивается сильного впечатления, которое концентрирует внимание аудитории на подробностях дела: *«Могут быть неверны детали, архитектурные украшения, мы их отбросим, но тем не менее*

останется основная масса, тот камень, фундамент, на котором зиждутся эти ненужные, неправильные подробности» [1].

Эпитеты, в изобилии рассыпанные по всему тексту («*преступная тень*», «*грубая искренность*», «*давящая мысль*» и т. д.), помогают автору передать атмосферу событий.

Олицетворения показывают подлинность линии защиты с первых слов оратора: «*Вашему рассмотрению подлежат самые разнообразные по своей внутренней обстановке дела, где свидетельские показания дышат таким здоровым смыслом, проникнуты такою искренностью и правдивостью и нередко отличаются такою образностью, что задача судебной власти становится очень легка» [1].*

Сравнения помогают автору обострить восприятие событий, подчеркивая их драматизм: «*Когда все вокруг было спокойно, никто еще не знал об утоплении, она волнуется как душевнобольная, работая в прачечной, спрашивает поминутно, не пришла ли Лукерья, не видали ли утопленницы» [1].*

В описаниях психологических портретов действующих лиц Кони в изобилии использует синонимы («*покорная – тихая – молчаливая*», «*жаловаться – плакаться*»), антонимы («*скучная – весёлого характера*», «*сильный – вялый, тихий*»).

Встречаются в тексте и разговорные и просторечные слова, которые автор использует для зарисовок серого, неприглядного быта, в котором живут «герои» трагедии: «*в околотке пошёл говор*», «*проговорила*», «*бремя свалилось*», «*бегала к Егору*», «*за словом в карман не лезет*», «*просиживает*», «*поколотил больно*», «*хлебнул Петербурга*», «*видывать виды*», «*снёт*», «*суётся*». Но когда автор выносит приговор, рассуждает о нравственности, совести, речь его приобретает возвышенный характер, мы слышим такие слова, как *участь*, *зиждиться*, *бремя*, *чуждающийся*, *целомудрие*, *коварный* и другие.

Важно также отметить, что оратор на протяжении всей своей речи апеллирует к понятию «*совесть*». Можно сказать, что это фундамент, на котором строится эмоционально-нравственная составляющая речи. Восемь раз мы встречаем данное слово в такой небольшой статье. Призыв к совести показывает личность автора как человека глубоко нравственного, ценности которого опираются на евангельские заповеди. Кроме того, прибегает он к сравнениям, используя широко известные библейские образы: «*Человек, который ее кинул, приходит с повинною головою, как блудный сын, просит ее любви*» [1].

Пытаясь разобраться в мотивах произошедшего, Кони ведет свой анализ с позиций долга и совести, под его пристальным наблюдением находится страсть, и ей он выносит сокрушительный приговор: «*В подобных случаях может быть два исхода: или рассудок, совесть и долг победят страсть и подавят ее в грешном теле, и тогда счастье упрочено, прежние отношения возобновлены и укреплены, или напротив, рассудок подчинится страсти, заглохнет голос совести, и страсть, увлекая человека, овладеет им совсем ... Таков общий исход всех действий человеческих, совершаемых под влиянием страсти; на середине страсть никогда не останавливается; она или замирает, погасает, подавляется или, развиваясь чем далее, тем быстрее, доходит до крайних пределов*» [1].

Сочетание чувственного и нравственного начал усиливает убедительность речи оратора, придает ей особую силу воздействия.

Итак, мы убедились в том, что доказывание в речи Кони происходит путем объединения логики и средств выразительности. Оратор использует не только логические доводы, строя их на таких языковых средствах, как вопросительные предложения, сложные предложения с большим количеством придаточных, особенно условных, антитеза – и лексическая, и синтаксическая, и образная. Текст речи пропитан эмоциями: суд и присяжные и мы, читатели, сопереживаем тихой и покорной Лукерье, которая поначалу понравилась Егору своей

«свежестью, чистотой, невинностью» [1]; с интересом наблюдаем за Аграфеной, которая «не производит симпатичного впечатления» [1], однако «тяжкое воспоминание и голос совести» [1] делают ее главным свидетелем обвинения. Чувство негодования вызывает обвиняемый, подчинивший свою жизнь порочной страсти, охваченный «глубокой, затаенной ненавистью» [1] к своей жене, на которую же он сам клеветает и презирает. Все эти доводы и эмоции подкрепляются, усиливаются нравственным основанием позиции автора, проявляющемся в категориях долга, совести, целомудрия.

Список литературы

1. А.Ф. Кони По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/koni/koni_po_delu_ob_utoplenii.html
2. Розенталь Д.Э. Секреты стилистики. Правила хорошей речи / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб. – М.: Айрис, 1996. – С. 271.
3. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. – Ч. 2: Синтаксис. – М., 1968.
4. Ваулина С.С. Сложноподчиненные условные предложения как экспликатор авторской модальности в публицистическом тексте (на материале «Книги о скудости и богатстве» А.Т. Посошкова) / С.С. Ваулина, Н.В. Старовойтова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnopodchinennye-uslovnye-predlozheniya-kak-eksplikator-avtorskoj-modalnosti-v-publitsisticheskom-tekste-na-materiale-knigi-o/viewer>